

ПРОЛОГ. ИМЕНА	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД	
В СВЕРДЛОВСКЕ ВСЁ СПОКОЙНО	
<i>Городская жизнь до 1985 года</i>	17
«РАБОТАЕТ СТРОИТЕЛЕМ»	
<i>Борис Ельцин в Свердловске</i>	22
ВОЛЫНЫ	
<i>Художники Мосин и Метелёв и деревня Волыны</i>	27
УТОПИЯ-85	
<i>Свердловский МЖК до 1985 года</i>	30
«ПОДАРИ ИСКОРКУ»	
<i>Писатель Владислав Крапивин</i>	34
ПРАЗДНИК ПОСЛУШАНИЯ	
<i>Клуб «Каравелла» до 1985 года</i>	37
ФЭНДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА	
<i>Премия «Аэлита»</i>	42
ГЛАВА ВТОРАЯ. РОК-Н-БУРГ	
«МЫ ПРИШЛИ С ГИТАРАМИ»	
<i>Свердловский рок</i>	45
МИССИЯ «РОК-КЛУБ»	
<i>Николай Грахов и рок-клуб</i>	49
НЕ ГРЕМЕТЬ!	
<i>Александр Пантыкин и «Урфин Джюс»</i>	53
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»	
<i>Вячеслав Бутусов и «Наутилус»</i>	56
«КОРОНА ТВОЯ ИЗ КЛЁНА»	
<i>Поэт Илья Кормильцев</i>	61
«ЭТО ПОДЗАРЯДКА НАШИХ БАТАРЕЙ»	
<i>Владимир Шахрин и «Чайф»</i>	65
«ДЕЛАЙ МНЕ БОЛЬНО!»	
<i>Свердловские рок-группы</i>	69

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МИТИНГРАД

«ЕКАСТРОЙКА» <i>Перестроечные времена в Свердловске</i>	74
КАЗЁННЫЕ, ПОДПОЛЬНЫЕ И БЕЗБАШЕННЫЕ <i>Выставки андеграунда</i>	82
Трибуны-тираноборцы <i>Бурбулис и Городская трибуна</i>	86
Взрыв на Сортировке <i>Взрыв на станции Свердловск-Сортировочный</i>	91
ГОРОЖАНЕ <i>Брусиловский и Волович</i>	93
ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ <i>Городской совет в 1990 году</i>	100
ТРОГЛОДИТЫ НАЧИНАЮТ <i>Война банд Трифона и Овчины</i>	104

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. СТОЛИЦА РЕСПУБЛИКИ

ГОРСОВЕТ & ЕКАТЕРИНБУРГ <i>Горсовет в путч и переименование города</i>	108
ГЕНЕРАЛ КАТОД И ГЕНЕРАЛ АНОД <i>Начало карьер Росселя и Чернецкого</i>	112
ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА <i>Начало ОПГ «Уралмаш»</i>	116
От клюквы до валюты <i>Бизнесмен Антон Баков и уральские франки</i>	119
ЧЕНЧ-МЕЙСТЕР <i>Художник Витя Махотин</i>	125
БЫТЬ ДОМИНИОНОМ <i>Идея уральской суверенности</i>	129
УРАЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА <i>Создание и гибель Уральской республики Эдуарда Росселя</i>	132

ГЛАВА ПЯТАЯ. БАНДЫ ЁБУРГА

ГЕРОИ БЕЗ КАНАЛИЗАЦИИ	
<i>Начало приватизации и конец горсовета</i>	136
ВЕЛИКАЯ БАНДИТСКАЯ ВОЙНА I	
<i>Начало войны «Уралмаша» и «Центра»</i>	141
В СНИМАЮЩЕЙ ГЛУШИ	
<i>Свердловская киностудия и Владимир Хотиненко</i>	145
БЫТ КАК БОЙ	
<i>«Афганцы» периода Владимира Лебедева</i>	149
«НИЧЕГО ЛИЧНОГО»	
<i>МЖК после 1985 года и судьба Королёва</i>	155
СВЕРДЛОВЧАНЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ	
<i>Основание компании «Мальшева-73»</i>	159
ВЕЛИКАЯ БАНДИТСКАЯ ВОЙНА II	
<i>Продолжение войны «Уралмаша» и «Центра»</i>	163

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ГРАД ОГЛАШЕННЫЙ

«ПРЕОБРАЖЕНЦЫ»	
<i>Движение «Преображение Урала»</i>	168
ВЫБИРАЙ! ВЫБИРАЙ! ВЫБИРАЙ!	
<i>Всеобщие выборы</i>	171
КТО-ТО ВРОДЕ ГАЛИЛЕЯ	
<i>Драматург Николай Коляда</i>	176
«ЭДУАРД НАШ РОССЕЛЬ!»	
<i>Россель и первые выборы губернатора</i>	180
ЁБУРГОЦЕНТРИЗМ	
<i>Чернецкий избран мэром</i>	186
ШПАНА САТАНЫ	
<i>Банда братьев Коротковых</i>	191
2-ЕЛЬЦИН-2	
<i>Выборы президента и миф о двойнике Ельцина</i>	194

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. В ГОРОДЕ Ё

ЗЕВС С ДЕФИБРИЛЯТОРОМ	
<i>Скульптор Константин Грюнберг</i>	200
ВЕЛИКАЯ БАНДИТСКАЯ ВОЙНА III	
<i>Завершение криминальных войн ОПГ «Уралмаш»</i>	205
ОБГОРЕЛЫЕ ЖИРАФЫ	
<i>Уличные творцы Старик Букашкин, Спартак и Тимофей Радя</i>	208
«ДЕТИ ШАГАЮЩИХ ЭКСКАВАТОРОВ»	
<i>ОПГ «Уралмаш» переходит к рейдерству</i>	214
ДИСКУРС: «НАИВ»	
<i>Бум наивного искусства</i>	218
БОЛЬШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗБОРКИ I	
<i>Выборы 1998 года</i>	222
АПРЕЛЬСКИЙ ДЕМАРШ	
<i>Студенческие волнения 14 апреля 1998 года</i>	226

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИСТОРИИ ОДНОГО ЁБУРГА

МАЛЕНЬКИЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ЁБУРГ	
<i>Литературный квартал</i>	230
ПЕРЕРЫВЧИК НЕБОЛЬШОЙ	
<i>275-летие города</i>	234
РАССТРЕЛ «АФГАНСКОЙ ИДЕИ»	
<i>«Афганцы» периода Касинцева и Петрова</i>	238
ЛЕЧЕНИЕ ЗУБОВ ЧЕЛОВЕКУ-НЕВИДИМКЕ	
<i>Художник Александр Шабуров</i>	243
«ИСТИННО ВЕДАЕТ»	
<i>Обнаружение и погребение царских останков</i>	246
ЭСКАДРОН ХИМЕР ЛЕТУЧИХ	
<i>Антон Баков и движение «Май»</i>	251
ВОЛК И ВОЛКОДАВ	
<i>Офицер Альтишуль и рейдер Федулёв</i>	255

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГУБЕРНСКИЙ ЦЕНТР

ИДУЩИЕ НА ГРОЗУ <i>Иннокентий Шеремет и ТАУ</i>	259
ГОРОД, ГОЛОД И МЕТРО <i>Метрострой</i>	263
ВЛАДЫКА МОЛЧИТ <i>Дело епископа Никона</i>	267
БОЛЬШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗБОРКИ II <i>Первый тур выборов 1999 года</i>	271
БОЛЬШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗБОРКИ III <i>Выборы губернатора и мэра в 1999 году</i>	275
СОБИРАТЬ КАМНИ <i>Владимир Пелепенко и Музей камня</i>	279
ОДНАЖДЫ В ЁБУРГЕ <i>Убийство Бэллы Немькиной</i>	283

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. УВИДЕТЬ ЁБУРГ И УМЕРЕТЬ

РАДИОУПРАВЛЯЕМЫЕ КРОКОДИЛЫ <i>Промышленные войны и захват Химмаша</i>	287
ТУЗИК И ГРЕЛКА <i>История с резиденцией полпреда</i>	291
ЛУЗЕР И «МРАМОР» <i>Поэт Роман Тягунов и премия «Мрамор»</i>	295
НЕ ПЕРЕЖИТЬ ПОТЕРЮ <i>Поэт Борис Рыжий</i>	298
«ДОБРЫМ СЛОВОМ И ПИСТОЛЕТОМ» <i>ОПС «Уралмаш»</i>	302
ШОУ ДОЛЖНО ПРОДОЛЖАТЬСЯ <i>Игорь Дубяго и «Минерал-шоу»</i>	307
ЁБУРГ: ОБОРОТНИ И ЗОМБИ <i>Фонд «Город без наркотиков» при Варове</i>	311

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ОГНИ БОЛЬШОГО ЁБУРГА

Пить кровь	
<i>Сергей Беляев и общество «Сутяжник»</i>	317
TOWERОНАВТИКА	
<i>История телебашни</i>	319
ДОВЕДЕНИЕ ДО ЭКЗОРЦИЗМА	
<i>Выборы губернатора в 2003 году</i>	323
СИТИ КОРОЛЕВСКОГО АВТОБОТА	
<i>Андрей Козицын и УГМК</i>	326
ЗОЛОТО АМАЗОНОК	
<i>Николай Карполь и команда «Уралочка»</i>	331
ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К БРЕНДУ	
<i>Память царской семьи</i>	335
ДРАМАТУРГИЯ В ГОРОДЕ МЕТАЛЛУРГИИ	
<i>Уральская школа драматургии</i>	339

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ПАРНИ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

ЁБУРГ: ГОРОД БЕЗ НЕВРОТИКОВ	
<i>Фонд «Город без наркотиков» при Ройзмане</i>	345
ЁБУРГ ОТ МОРЯ ДО МОРЯ	
<i>Стратегический план развития Екатеринбурга</i>	351
ЛУНА ДЛЯ САМУРАЕВ	
<i>Киностудия и режиссёр Алексей Федорченко</i>	355
ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ НА БАРХАТНЫХ РУЧКАХ	
<i>Тимур Горяев и концерт «Калина»</i>	359
ДЕРЗКИЕ ВОЗЛЕ «БУША»	
<i>Гибель Хабарова и конец сообщества «Уралмаш»</i>	362
МОЩЬ	
<i>Бард Александр Новиков</i>	367
«ЖЕРТВА УТОПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ»	
<i>Эрнст Неизвестный и «Маска скорби»</i>	371

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. НЕСПЯЩИЕ В ЁБУРГЕ

«Жизнь, похожая на ФееРВЕРГ» <i>Екатеринбургцы в мейнстриме нулевых</i>	376
ТАНЦУЮЩИЙ ЛАМБАДУ <i>Рейдер Павел Федулёв</i>	382
ПЕРЕХОД НА ЦИФРУ <i>Писательница Ольга Славникова</i>	387
МЕГАМАРКЕТЫ КАК ДРЕДНОУТЫ <i>Компания «Малышева-73»</i>	390
ГРАДООБРАЗУЮЩИЙ ТЕАТР <i>«Коляда-Театр»</i>	394
«НАСТОЯЩИХ БУЙНЫХ МАЛО» <i>Антон Баков и его проекты</i>	398
SELF-MADE ЛЕПОТА <i>Шоу-группа «Уральские пельмени»</i>	402

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ИДЕАЛИЗМ + АМБИЦИИ = ЕКАТЕРИНБУРГ

БАСУРМАНЫ И ПРОФИЦИТ <i>Крапивин и «Каравелла» после 1991 года</i>	406
ЁБУРГ: СИЛА В ПРАВДЕ <i>Общественный деятель Евгений Ройзман</i>	410
ДРЕССИРОВАННОЕ НЛО <i>Саммиты ШОС и БРИК</i>	414
«ПОДХАЯТНИК» И «ОБЪЕЗДУН» <i>Екатеринбург-2009</i>	418
ДОМОСТРОЙ <i>От епархии и к митрополии</i>	423
НЕПОБЕЖДЁННЫЙ <i>Отставка Эдуарда Росселя</i>	426
ТЕНИ ТИТАНОВ <i>Отставка Аркадия Чернецкого</i>	430

ЭПИЛОГ. ВЫСОТА	435
----------------------	-----

Пролог ИМЕНА

Он уже почти не помнил, что его называли Екатеринбург.

Город был самим собой два столетия, а в 1924 году советская власть взяла и переименовала его в Свердловск. Яков Свердлов, большевик и боевик, жил в Екатеринбурге в 1905–1906 годах: приехал по приказу партии, проводил митинги, устраивал стачки, создавал боевые дружины, а заодно женился на дочери купца-миллионера. Жандармы вычислили смутьяна, и он бежал — перед пикетом на городской заставе ловко изобразил рожаящую бабу. Екатеринбургские товарищи уважали Свердлова за жёсткую бандитскую хватку и за талант организатора, однако в лихой жизни знаменитого большевика Екатеринбург был просто парой эпизодов — не самых долгих и не самых важных. Воли и энергии Якову Свердлову хватало на всё, а совесть его не угнетала: в 1918 году он утвердил решение Уралсовета расстрелять в Екатеринбурге царя вместе с семьёй. Сам же Свердлов умер в 1919 году в возрасте 33 лет: то ли его свалил грипп-испанка, то ли до полусмерти избили рабочие. Через пять лет Екатеринбург стал Свердловском.

Прошло больше полувека. Все феномены, благодаря которым нация знала о городе, оказались уже свердловскими. Родовое венценосное имя города исчезало из сознания нации. А имя города — это его статус, его программа, его судьба. Обо всём таком робко напоминали местные достопримечательности, но кто же слышит их голос, кроме улетевших по теме краеведов? От бывшего славного Екатеринбурга остался последний общезначимый артефакт — дом инженера Ипатьева.

Этот особнячок на склоне Вознесенской горки знала вся страна, хотя его не описывали путеводители. В этом доме последние свои месяцы провела царская семья — отрёкшийся император Николай II, императрица Александра, цесаревич Алексей и княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. В ночь с 16

на 17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева большевики расстреляли и добили штыками «граждан Романовых», их слуг, врача и даже комнатных собачек.

Честный заводской парень Свердловск не захотел быть причастным к такому злодеянию. Чур меня! Убийство произошло в Екатеринбурге! Посреди советского трудового Свердловска стоял неприкасаемый дом Ипатьева — проклятый остров старого города, последний носитель имени Екатеринбург. Лишь гибель царской семьи, страшная жертва, удерживала имя города, следовательно, неразрывность истории и целостность души, потому расстрел Романовых так значим и ныне, хотя уничтожение невинных людей — неправильная «точка сборки» для бренда.

Дом Ипатьева как заноза напоминал стране о казни Романовых и о городе Екатеринбурге. А приближалась годовщина расстрела — 60 лет. Ходил слух, что ЮНЕСКО думает включить дом Ипатьева в список объектов всемирного наследия. И в 1975 году председатель КГБ СССР Юрий Андропов обратился в Политбюро с ходатайством о сносе дома. Политбюро приняло секретное постановление. Через два года, в сентябре 1977 года, поневоле взяв на себя всю ответственность за это решение, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин распорядился начать снос. К зданию подъехал автокран с «шар-бабой» и за пару дней превратил особняк инженера Ипатьева в груды битого кирпича. Грузовики увезли мусор, а осенние дожди прибили пыль. Всё. Нет дома — нет проблемы.

Советское общество давно смирилось с мыслью, что расстрел царской семьи был необходимостью военного времени. Однако снос дома Ипатьева выглядел так, будто власть замечает следы преступления. Акция властей получила обратный эффект: отсутствие дома оказалось хуже присутствия. Снос Ипатьевского дома интеллигенция города не стерпела и смутно зароптала: «Всё у нас неправильно!»

В результате в 1981 году Свердловск взбудоражила книга писателя Бориса Рябинина «Город, где мы живём» — беседы о городе с художником Львом Эппле, экологом Владимиром Большаковым, архитектором Геннадием Белянкиным.

Рябинин честно и прямо писал о разрушении городской среды — культурной и природной. В ответ огрызался, но исправлял ошибки секретарь обкома Ельцин. Хотя это был только первый круг от брошенного камня. Уже через пять лет голос города обрёл полную громкость: заговорил Свердловский рок-клуб. Заговорил о самом главном, о невыносимом, о том, что важно для всех, а не только для города Свердловска. И дальше пошло-поехало. Тектонические сдвиги истории сопровождались рёвом митинговых мегафонов и грохотом бандитских автоматов.

Конечно, не снос Ипатьевского дома был тому причиной. Но ведь надо с чего-то начинать. Обретение себя Екатеринбург начал с упрямого недовольства за особняк инженера Ипатьева. И в 1991 году городу вернули родовое имя.

Но официального переименования было мало, и вот такого никто не ожидал. Город разрывало удивительными событиями, грандиозными переменами, жуткими откровениями эпохи. Судьбу подстёгивали пассионарии. Для их города название Екатеринбург было слишком «дисциплинированным». Язык искал адаптированные варианты. По аналогии с Питером был предложен стильный Катер — но нет, не прижилось. И тогда явился Ёбург. Название вызывающее, наглое, хлётское, почти непристойное. За него можно было и по морде получить. Но так выбрал язык, а он знает технологии семантики и чует магнитное притяжение коннотаций.

Даже на слух энергичное и краткое название Ёбург как-то соответствует сути того Екатеринбурга — города лихого и безбашенного, стихийно-мощного, склонного к резким поворотам и крутым решениям, незаконного города, которым на одной только воле рулят жёсткие и храбрые, как финикийцы, лидеры-харизматики. Они были титанами, потому что в их поступках говорила история. И хулиганское имя Ёбург было символом прекрасного и свободного времени обновления.

Всё проходит, и Ёбург в прошлом. Бурного Ёбурга уже нет, есть богатый и престижный мегаполис Екатеринбург. Город сумел вернуться к себе. «Ёбург» был только промежуточной стадией превращения «закрытого» советского Свердловска

в евроазиатский буржуазный Екатеринбург эпохи глобализма и хайтека.

Его будут называть Екат, но Екат — не Ёбург. А эта книга — про Ёбург. Про Великую Метаморфозу. Про героев, которые здесь делали будущее. Однако — по большому счёту — книга рассказывает не об отношениях людей друг с другом и не об отношениях людей с законом: книга — про отношения людей с городом.

Ёбург. Ёбург. Ёбург.

Глава первая

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД

В Свердловске всё спокойно

Городская жизнь до 1985 года

Свердловск запрессовали в шаблон: отформатировали под типовой советский город, в котором за индивидуальность отвечает лишь культурное наследие, а оно рассеяно и никак не выявлено. Для обывателя Свердловск затерялся среди других городов, названных в честь героев партийного пантеона: Ульяновск, Дзержинск, Будённовск, разные там Киров, Куйбышев, Калинин, не говоря уж о Ленинграде. Что обыватель мог сказать про Свердловск? Чё-то где-то на Урале. Вот и всё.

Фантазия рисовала какие-то смутные и грозные картины. Дымящиеся трубы. Чёрные потоки людей в спецовках по рассветным улицам утекают в проходные. Уралмаш огромными ковшами льёт жидкую сталь, озаряя стены цехов. Из ворот завода с рокотом выезжают танковые колонны. В котлованах грузно ворочают решетчатые стрелы гигантские шагающие экскаваторы. Композитор Родыгин сидит на снарядном ящике, играя на гармонии песню про уральскую рябиночку: «Треплет под рябиною ветер без конца справа — кудри токаря, слева — кузнеца...»

А каким в реальности был город Свердловск во второй половине семидесятых и в первой половине восьмидесятых, то есть во времена «развитого застоя», как раз в те годы, когда Свердловской областью руководил Борис Ельцин? Большой город, окружённый фантастическими конструкциями промышленных комплексов и панельными заборами спальных кварталов. Вдоль горизонта плыли заводские дымы. Жилые массивы вдруг переходили в промзоны, чудовищные по масштабу, а пространство города расчленяли клинья лесопарков и прудов.

Все города СССР, кроме Москвы и Ленинграда, выглядели малолюдными и низкими, особенно по нынешним меркам: без подсветки, без рекламы, без автомобильных пробок. В первые десятилетия советской власти архитекторы с энтузиазмом загромоздили Свердловск зданиями конструктивизма и превратили город в мировое собрание этого стиля, а на излёте эпохи динамика и энергетика конструктивизма поддержали типовую панельную застройку, и город не казался монотонным и однообразным. Статусные объекты центра вычленились из среды неоклассикой, словно посреди скороговорки футуристов вдруг начинал звучать гекзаметр.

Свердловск называли «столицей Урала» — в такое определение вкладывался некий историко-географический смысл по принципу «елей вместо прав», однако и на деле Свердловск обладал чертами столичности. На улицах звенели жёлто-красные трамваи «Татра», как в Москве, а не красно-белые вагоны из Усть-Катава, как в Тагиле или Челябинске. В 1967 году Свердловск стал «миллионером».

Областные города имели университеты и набор вузов, как в абитуриентском стишке: «Ума нет — иди в пед, стыда нет — иди в мед, ни тех ни тех — иди в политех». В Свердловске в придачу к обязательному комплекту ещё были горный, архитектурный и юридический институты плюс СИНХ — институт народного хозяйства. Так же и с театрами: сверх ассортимента из драмы, оперы, ТюЗа и кукольного здесь работал Театр музыкальной комедии. Наконец, в Свердловске выходил зональный литературный журнал «Урал», традиционный «толстяк», а в пару к нему — любознательный и молодёжный «Уральский следопыт».

При «оборонном» характере города казалось немного зловещим, что здесь расположен УНЦ — Уральский научный центр, региональный отдел Академии наук. Хотя город жил мирно. Даже когда в 1979 году из секретного института сбежала сибирская язва и убила 64 человека, эпидемия не вызвала паники. Свердловчане знали: это издержки ситуации. Город и гордился, и тяготился своим значением, своей закрытостью от мира. Из иностранцев в Свердловске бывали в основном

чехи: Свердловск был побратимом с Пльзенем, а Уралмаш имел связи с машиностроительной компанией «Шкода». Ну и ещё — в силу странных завихрений международной дружбы СССР — в Свердловске было много монголов.

В 1973 году, к 250-летию города, свердловчане получили Исторический сквер на месте старого завода. Старая заводская плотина, которую в городе любовно называют «Плотинка», стала любимым местом прогулок, детишки лазали по огромным каменным глыбам — образцам горных пород Урала. В том же году впервые отпраздновали День города. В 1977-м сдали новое здание ТюЗа. В 1980-м — новое здание цирка с удивительным «структурным» куполом. В 1982 году власть въехала в высотный Дом Советов, который был символом могущества КПСС, а не Советов; эту неудобную башню, на треть занятую шахтами лифтов, ехидные горожане тотчас прозвали «членом партии». В 1983 году открыли Дом кино и затеяли строить телебашню.

На 9 Мая и 7 Ноября многотысячные демонстрации с флагами и лозунгами ходили по проспекту Ленина через Плотинку

Советский город
Свердловск, проспект
Ленина, 1982

на площадь 1905 года. Влюблённые катались по городскому пруду на взятых в прокат вёсельных лодках. В ЦПКиО под музыку крутились громоздкие карусели и колесо обозрения, по свистывала детская железная дорога. Пафосные премьеры проводил киноконцертный театр «Космос», а на высокой веранде его ресторана под ВИА танцевали красавицы советской элиты, смущая атлетов-комсомольцев на стадионе «Динамо». Элита жила в новых кварталах в районе Октябрьской площади, дети бонз учились в престижной школе №9. А знающие люди вполголоса говорили, что на ступенях Главпочтамта ловят клиентов девушки лёгкого поведения: чем выше стоит девушка, тем она дороже.

Как достопримечательность свердловчане показывали приезжим ресторан «Уральские пельмени», но обычные люди туда не ходили: дорого. Богема слушала джаз в ресторане «Океан», а когда было не до джаза, то похмелялась в ресторане «Серебряное копытце», который называли просто «Копытом». Лакомки обожали пышечную на улице Свердлова. Интеллектуалы посещали заседания киноклуба в «Автомобиле» — ДК «Автомобилист», который потом окажется Троицким собором. Первые экстремалы-скейтбордисты тренировались на пандусе Дворца культуры Уралмашзавода, причём скейтборды по схемам из журнала «Юный техник» тайком на работе изготавливали мастера-самородки экспериментального цеха Уралмаша.

Пацаны ходили в кинотеатр «Октябрь» на стереокино, правда, несколько лет подряд в стерео показывали только скучный фильм «Ученик лекаря», и веселее было рассматривать зал, где все зрители сидели в очках — ваще уржётся! Зимой с трамплинов на Уктусских горах летали лыжники. Летом советский средний класс на своих «москвичах» и «жигулях» отправлялся на пикники на светлое озеро Балтым, а народ попроще на автобусах трясся до озера Шарташ. Обкомовские «Волги» грузно катили на дачи за заборами Малого Истока, а отвязные студенты и пэтэушники на трамваях гоняли на пляж у ВИЗа, Верх-Исетского завода, где на фоне циклопических заводских градирен самые смелые девчонки загорали топлес.

Молодёжь из области тянулась в города, на селе оставались одни старики, и многие деревни вокруг Свердловска превращались в дачные, заселённые летом более-менее состоятельными горожанами. Набитые битком электрички и автобусы развозили дачников по их скромным владениям. Но воскресными днями больше всего народу ехало до станции Шувакиш. Там гомонил обширный рынок, где продавали импорт и дефицит: джинсы, кроссовки, дублёнки, косметику, аппаратуру. В лесочке поблизости располагалась легендарная «туча» — продажа и обмен виниловых грампластинок. Размах оборота, жажда наживы и потребления, ажиотаж и компетенция участников торжища развеивали все советские идеалы.

А что знали о Свердловске в СССР? Знали про Уралмаш — «завод заводов», но больше в контексте ударных строек эпохи индустриализации. Знали сказы Бажова, хотя понимали их конъюнктурно: будто бы Бажов погружал классовую борьбу в глубину времён и облекал в сказочную форму, тем самым превращая её в некий изначальный национальный миф. Знали Свердловскую киностудию, которая сняла экзотические фильмы про Угрюм-реку и приваловские миллионы. Знали завод «Уральские самоцветы», который производил недорогую ювелирку с камешками — она радовала не столько глаза, сколько патриотические чувства. Знали и другие «Уральские самоцветы» — фабрику недорогой парфюмерии, которая тоже больше радовала патриотические чувства. Знали непобедимую волейбольную команду «Уралочка» и её тренера Николая Карполя. А вот Бориса Ельцина, первого секретаря Свердловского обкома партии, в середине восьмидесятых ещё не знали.

Ко времени Ельцина Советский Союз уже исчерпался. Не то чтобы он ослаб или совсем задушил своих граждан тиранством — нет. Но витала в воздухе какая-то неудовлетворённость. Чего-то было надо ещё. То ли достроить недостающее, то ли переделать имеющееся... И при Ельцине в Свердловске расцвели или были созданы с нуля несколько общественных феноменов, которые в определённом смысле можно считать проектами новой жизни. И о них тоже знала вся страна.

Образцом параллельного государству, но полунатурального существования оказалась община свердловских художников в деревне Волены. Её опыт годился для личного спасения, но не подходил всей стране. Для общества существовали, пожалуй, только две стратегии исцеления: открыть себя идеалу или открыть себя миру. Конечно, тогда ещё и речи не шло о каком-то выборе между коммунизмом и капитализмом. Но вопрос звучал повсюду в СССР, и город Свердловск дал весьма репрезентативные ответы.

Сообщество Свердловского МЖК и сообщество клуба «Каравелла» оказались социально успешны, потому что открыли себя идеалам, реабилитировали ценность коллективизма. А сообщество любителей фантастики и сообщество Свердловского рок-клуба оказались социально успешны, потому что открыли себя миру, всему многообразию западной культуры. В общем, были реализованы обе программы самосохранения. Но ни одна из них не спасла. Ни одна не совпала с будущим.

С будущим полностью совпал только Борис Ельцин.

«Работает строителем»

Борис Ельцин в Свердловске

Плотное, добротное и деятельное благополучие конца 1970-х и начала 1980-х — время, когда первым секретарём Свердловского областного комитета партии был Борис Николаевич Ельцин. Он определял жизнь города и области.

Ельцин родился в 1931 году в крестьянской семье в селе Бутка под Талицей. Места здесь были издревле раскольничьи, болотистые и совсем глухие. Но семье пришлось перебраться в большой город Березники, под бок калийному комбинату. Борис окончил школу в полуразбойных рабочих кварталах и уехал в Свердловск, поступил на стройфак Уральского политеха — УПИ. Жил бедно, а учился хорошо. В 1955 году он получил диплом, почти весь с пятёрками, и началось дело.

Страна оживала в «оттепели», превращалась в грандиозную строительную площадку. Молодой и волевой инженер Ельцин

женился на скромной сокурснице Наине и устроился работать простым рабочим. Он хотел знать производство от азов: освоил 12 рабочих профессий и лишь потом стал прорабом.

Послевоенный беби-бум распирал державу, нация требовала жилья, садилов, школ и больниц — и города стремительно обрастали «хрущёвками», которые тогда ещё не были «хрущёбами» и казались дворцами. Их строили такие, как Ельцин. И для строителей открывались блестящие карьерные перспективы. В 35 лет инженер Ельцин стал директором крупнейшего в области домостроительного комбината.

В то время сформировался его стиль работы. Дело важнее всего, оно — та же война, поэтому здесь слабых не щадят, но достойных награждают. И у Ельцина появилась генеральская привычка дарить рабочим часы прямо с руки. Он любил крутые решения и широкие жесты. Он был уверен в себе, но без спеси и хамства.

Директора ДСК Бориса Ельцина заметил первый секретарь Свердловского обкома партии Яков Рябов. В 1968 году Ельцин перешёл работать с производства в обком — командовать отделом строительства. Оно и верно: в стране завершалась эпоха «социальных лифтов» по трудовым заслугам и начиналась эпоха партийных карьер. Рябов понимал, что уйдёт на повышение в Москву, и готовил себе смену. Ельцин значился под номером два, но по воле обстоятельств оказался первым. В 1976 году в возрасте 45 лет Ельцин стал руководителем Свердловской области.

Из скромной квартиры на Химмаше семья Ельциных переехала в центр, в элитный дом №2 по улице 8 Марта. Елена и Татьяна, дочери Бориса Николаевича, учились в престижной школе №9. Однако Наина Иосифовна, как прежде, работала в институте «Союзводоканалпроект», и отнюдь не директором. У Ельцина даже машины своей не было. Разумная сдержанность — главный принцип семьи первого секретаря обкома, и даже потом, уже в Москве, в МГУ, Татьяна Ельцина на вопрос об отце будет отвечать непроницаемо: «Работает строителем».

Он и вправду работал строителем. Он заложил в Свердловске метрополитен. При нём возвели цирк со «структурным»

Дом, где в Свердловске жил Борис Ельцин, первый секретарь обкома

куполом и высотный Дом Советов. Он достроил асфальтовую дорогу на север, в город Серов, и поддержал инициативу МЖК. Он запретил в центре Свердловска типовые многоэтажки и ускорил как смог избавление окраин от бараков: на три года заморозил очередь на жильё и, не слушая ропота очередников, переселил в новостройки обитателей трущоб. Получилось нехорошо — нечто вроде анти-МЖК. И это всё аукнется Свердловску. Через десять лет из тех спальных кварталов на проспекты выйдут гангстерские бригады с калашами — выросшие пацаны с барачным воспитанием.

Свердловск был индустриальным мегаполисом, но Ельцин понимал важность малых проблем быта. В 1980 году Ельцин поссорился с Госпланом СССР из-за того, что союзная власть свободно планировала развитие промышленности в городе, но не задумывалась об инфраструктуре — о жильё, больницах, школах, магазинах. Ельцин навьючивал городскую инфраструктуру на шею могучим предприятиям Свердловска, заставлял заводы выпускать хотя бы что-то полезное простым

людям — электроутюги там какие-нибудь, стиральные машины или детские санки.

Любимым развлечением Ельцина был волейбол, и в Свердловске волейбол стал «царским видом спорта». Ельцин подержал тренера Карполя и его команду «Уралочка», и вскоре с мячами запрыгали все чиновники, а город принял программу развития волейбола и план строительства 327 новых площадок.

Ельцин ввёл в практику общение с горожанами. Он встречался со студентами и с колхозниками, разговаривал, вникал в суть проблем — правда, общество тогда ещё не знало, что такое популизм. Прямых эфиров тоже ещё не было, и Ельцин по телевизору отвечал на письма граждан. К первой передаче поступило 906 писем, а потом их приходило в разы больше. Аппаратчики обкома сидели по вечерам на работе, сортировали письма, отвечали людям и готовили ответы для начальника. Стремление Ельцина к публичности московское партийное руководство называло «концертами», но Ельцин реально делал власть справедливой и человечней.

Он был фигурой могучей и противоречивой. Иногда мог признать промахи власти, но всё равно оставался плотью от плоти советского строя. Борис Ельцин был тираном-демократом, мирным генералом, который строг не ради правды, а ради победы. Урал знал и любил начальников подобного типа: такими в историю города вошли «горные командиры» Василий Татищев и Владимир Глинка.

Ельцин не просто попал в образ «уральского лидера» — он был уральцем по генетике, по мировоззрению, хотя вряд ли знал историю Урала. Его уральскость проявится и в выборе средств для реформирования государства. Горбачёв, ставропольский «крестьянин», начнёт менять систему с внедрения кооперативов: крестьяне всегда кустари и мелкие собственники. Ленинградские интеллектуалы-«младореформаторы» будут твердить, что нужно конституцией вводить институт частной собственности. А Ельцин, свердловский «рабочий», учредит капитализм по заводскому пониманию: объявит приватизацию. Госсобственность назначат к раздаче надёжным людям. Так Пётр I отдал Никите Демидову Невьянский завод.

В 1985 году по протекции Якова Рябова Ельцин переехал в Москву на работу в отдел строительства ЦК КПСС. Город проводил первого секретаря обкома спокойно: ни у кого тогда не было ощущения исключительности Бориса Николаевича Ельцина. Хотя через два года, когда смутьян Ельцин попадёт в опалу, обком Свердловской области вслед за Горбачёвым осудит его, а горком — нет, не осудит, промолчит.

Памятник президенту Ельцину возле Ельцин-центра и «Демидов-Плаза»

Из 76 лет жизни 54 года Ельцин провёл на Урале. В 2011 году сотрудники Уральского центра Ельцина Григорий Каёта, журналист, и Анатолий Кириллов, историк, издадут объёмную книгу «“Первая жизнь” Бориса Ельцина» — обобщение свердловского периода Бориса Николаевича. И в том же году Ельцин вернётся в Екатеринбург мраморным памятником перед бизнес-центром «Демидов-Плаза».

Волыны

Художники Мосин и Метелёв и деревня Волыны

Художники Советского Союза знали, что в Свердловске сложилась мощная «группировка» мастеров. Не в смысле школы, хотя живописцы и графики в своих работах взаимно обыгрывали мотивы друг друга, а в смысле товарищества по судьбе. Ёмким воплощением этого товарищества стала деревенка Волыны.

Она находится в сотне километров от Свердловска-Екатеринбурга, неподалёку от посёлка Староуткинский и реки Чусовой. Деревня как деревня. Полсотни домишек с огородами и крепко выпивающие чудики: местные мужики мрачно шутили, что водка положила здесь больше народу, чем война с фашистами.

В 1972 году художник Геннадий Мосин купил в Волынах небольшую усадьбу. Цель покупки была самая прозаичная: советской торговле доверия нет, пускай картошка-моркошка-укроп-чеснок всегда будут свои.

Мосину было 42 года. Коренной уралец, он отучился в престижном институте имени Репина. В 1959 году дебютировал картиной «Похороны жертв революции». Начальству она понравилась. Мосин получил лучшую мастерскую Свердловска и, очарованный благополучием, заговорил о приближении «нового Ренессанса».

Но от соцреализма Мосин ушёл в «суровый стиль», а потом и ещё дальше — в некий экспрессионизм, лобовой, как плакат, но яростно-сдержанный. В 1964 году Мосин выставил страшное полотно «Политические. 1905 год». Потом вместе с художником Мишей Брусиловским написал картину «1918-й».

Начальство ошалело от небывалой трактовки образов Ленина и его соратников. Расхождений с каноном по идеологии, разумеется, не было, но по стилю... Так не положено изображать вождей!.. А два сумасшедших живописца уже несли холст «Красные командиры времён Гражданской войны на Урале». «Как повешенные!» — ахнули начальники про «Красных командиров». И Мосина с Брусиловским просто задвинули. Работы сослали в дальние музеи, а художников перестали замечать в упор.

От гражданского пафоса Геннадий Мосин потихоньку сместился к народному эпосу. Он воспринимал мир мощно и цельно и на полотнах туго вколачивал цвет в объёмы, будто набивал мешки цементом, пока формы не начинали переливаться оттенками, словно от усилия покрывались испариной. Работы Мосина, лаконичные по колориту и обобщённо-условные, получались какими-то титаническими. Они отзвучивали долгим глубинным эхом, как неуспокоенный колокол после набата.

Загородная жизнь семейства Геннадия Мосина в деревне Волены увлекла и других художников: малина, рыбалка, баня и дружеская выпивка. Художники принялись покупать домики с огородами рядом с Мосиными. В конце концов в Волинах оказалось около 30 художников. Волены превратились в бренд.

Это была не коммуна, потому что никто здесь не обобществлял имущество. Но и не длительный пленэр, не пастораль, потому что тут приходилось трудиться: копать огород, носить воду, колоть дрова. И элитным дачным посёлком вроде Переделкина Волены тоже не были: власть не дарила их художникам с барского плеча. Это была просто деревня Волены. Типа убежище. Реакция на окружающую действительность, когда все уверены, что в ней уже ничего никогда не изменится.

Художники создали себе оазис нормального мира. Жили по-человечески, ходили в гости и на этюды, спорили обо всём, рисовали друг друга с жёнами и детьми, рисовали окрестные леса и мохнатые травяные поляны, кряжистые скалы на Чусовой и местного кота Матвея. Художник Анатолий Калашников нагрёб со дна речки камешки и раскрасил — получились дивные «Рыбки», ярче тропических.

Волыны — деревня художников

Геннадий Мосин умер в 1982 году, а Волыны продолжались. Соседнее село Чусовое хвастало, что имеет единственную в СССР сельскую картинную галерею. Главным жителем Волын стал художник Герман Метелёв.

Он был на восемь лет младше Мосина, тоже коренной уралец и выпускник института Репина. Красивый бородатый мужик с шапкой курчавых волос, он был одарён щедро и разнообразно — не зря кержацки строгий Мосин предчувствовал Ренессанс. Успешный и признанный Метелёв иллюстрировал книги, набирал панно и мозаики, а в Волынах выкладывал друзьям печи и ковал подсвечники. Однако своим призванием Метелёв считал живопись. Он широко закидывал пространство холста лёгкими лоскутьями радостного цвета, а потом игристыми штриховыми мазками выявлял фигуры — или же вдруг словно вытягивал из глубины телесно-мощные пластические формы. Он изображал и Дантов ад, и литейный цех.

Волыны, деревня художников, пережила лихие времена и помогла пережить их своим обитателям. Эта деревенька

не превратилась в мемориал самой себе, не закалилась память идеалам ушедшей эпохи, а потому жива и поныне. Трубы её дымят, собаки лают, петухи кукарекают, цветёт картофан, о вечной любви поют на заборах свирепые правнуки кота Матвея, и дно речки словно блестит дивной мозаикой из цветных камешков. А художник Герман Метелёв умер в 2006 году и спит за околицей Волын.

Утопия-85

Свердловский МЖК до 1985 года

Советский Союз не мог решить одну из самых важных проблем своих граждан — проблему жилья. Деньги-то были, не было рабочих рук. Когда положение стало невыносимым, появилась идея МЖК — молодёжного жилого комплекса. Суть идеи в том, что инициативная молодёжь какого-либо предприятия объединяется, получает фонды и финансирование и сама возводит себе жилые дома. В 1968 году в подмосковном городе Калининграде молодые учёные организовали первый отряд МЖК. В 1976 году он достроил, сдал и заселил первый дом. В 1977-м об этом социальном новшестве написала «Комсомольская правда».

Статью прочитал Евгений Королёв, командир студенческого стройотряда УПИ — Уральского политеха. Королёв собрал знакомых стройотрядовцев УПИ и УНЦ — Уральского научного центра. Всем им было около тридцати. Они прорвались к Борису Ельцину, первому секретарю обкома, съездили в Калининград за консультацией и выбили права и ресурсы для своего МЖК. Свердловский МЖК окажется вторым в СССР, но самым большим и самым известным.

Королёв родился в 1951 году. Физик-ядерщик, в лаборатории он облучился и заработал рак, при сложнейшей операции пережил клиническую смерть. Наверное, он Бога увидел. Он выжил. И понял, ради чего следует жить. Его назовут пророком. Худой, словно его изнутри сжигало пламя, он существовал на кофе и сигаретах. Он строил не обычный МЖК: он строил идеал, «город мира».

Энтузиасты МЖК спланировали свой район: 11 жилых вы-соток, два детсада, поликлиника, школа, культурно-оздорови-тельный спортивный комплекс. Первые этажи домов отводи-лись под детские клубы. Каждый дом имел подземный гараж на 36 боксов — а всего в МЖК наметили втрое больше боксов, чем было машин на тот момент. Над гаражами — спортпло-щадки. Запланировали даже освещённую шестикилометро-вую «тропу здоровья». Горисполком отмерил МЖК 11 гектаров в районе Каменных палаток. На этих гектарах были тюрьма, склад химреактивов, какие-то трущобы, чахлый лесок. Лесок эмжэковцы решили не вырубать.

Дольщиками Свердловского МЖК стали домостроительный комбинат, НПО автоматики имени Н. Семихатова, НПО «Век-тор» и УПИ — политех. Они получали на МЖК деньги из Мо-сквы и формировали отряды строителей и будущих жильцов. Строителей отпускали с места работы, сохраняя стаж и неболь-шую зарплату. Но первые два года эмжэковцы строили не свои дома, а цех больших панелей на ЖБИ — заводе железобетонных

Свердловский МЖК
в восьмидесятых

изделий: без этих панелей нельзя было соорудить запланированный грандиозный комплекс.

Возводить дома для МЖК самоуверенно взялся домостроительный комбинат — ДСК. 29 октября 1980 года был заложен первый камень первого здания. Эмжэковцы принялись доделывать долгострой ДСК, а советский гигант стройиндустрии тотчас завалил все планы и сроки. Эмжэковцы отстранили ДСК от дела и дальше строили свой комплекс сами, своими руками, без выходов и отпусков, днём и ночью.

Каждую смену на стройплощадку выходили 5–6 отрядов общей численностью примерно 150 человек. Каждым отрядом командовал комиссар. Подразумевалось, что один отряд — один подъезд. Управлял всем процессом выборный оргкомитет МЖК. Эмжэковцы были технарями, поэтому их утопия была технократической и жёсткой: запись в отряд разрешалась только работникам до 30 лет. Так из МЖК создавали однородный социум. Хотя потом это аукнется весьма неожиданными проблемами — например, в МЖК не окажется бабушек, которые со скамеечек у подъездов следили бы за внуками-школьниками, пока родители на работе.

Деятельность работника оценивалась по его «дневнику»: каждый эмжэковец имел особую тетрадь, в которой перечислял свои «полезные дела», а «свидетели» расписывались, мол, так оно и было. За «полезные дела» бригада начисляла баллы, от их количества зависела очерёдность выбора квартиры: у кого больше баллов — у того больше выбор. Случались и курьёзы: человеку давали баллы за то, что он принёс на стройку МЖК пачку сварочных электродов, а электроды он стибрил со своей официальной работы. Но всё равно как-то ведь надо было отслеживать индивидуальный вклад, и дневники со своей задачей справлялись.

Евгений Королёв писал, что МЖК — «это реакция молодых на ту ублюдочную жизнь, которую устроили в стране руководившие ею старцы». Впрочем, многие большие чиновники вроде Ельцина поддерживали МЖК — но тайком, не оставляя подписей на документах. ЦК ВЛКСМ объявил Свердловский МЖК социальным экспериментом, и все указы, которые облегчали

работу свердловчанам, касались только их одних и не помогали другим МЖК. А это движение ширилось по стране, и в Свердловск приезжало по 600 делегаций в год посмотреть, что и как.

Они достроили всё, у них всё получилось. Был риск, что социалку бросят, когда возведут жильё, но непримиримый и нестигаемый идеалист Королёв стоял стеной: отряды МЖК, сдав 1500 квартир, доделали и садики, и больницу, и прочие проекты. На первых этажах заработало 48 детских кружков и детских клубов. В школу по конкурсу набирали педагогов со всего СССР. В МЖК был даже бассейн, чтобы учить младенцев плавать. По городу в среднем на семью насчитывалось 1,9 ребенка, а в МЖК — 2,6. МЖК стал магнитом идей для всего СССР и кузницей элиты: через десяток лет в каждом подъезде будет жить по 4–5 разных директоров.

Возможно, МЖК были самой успешной версией советского социума. Эталонем и программой для эволюции СССР. До «города мира», о котором мечтал Евгений Королёв, МЖК было далеко, но не в этом дело. МЖК — человеческое осуществление

МЖК в Екатеринбурге через
20 лет

социалистической утопии, а Свердловск с его конструктивистскими комплексами домов-коммун и соцгородков хорошо разбирался в утопиях коллективизма.

Пламенный Евгений Королёв тянул МЖК из социализма в коммунизм. А эпоха готовилась поменять социализм на капитализм. И будущее МЖК определялось тем, что всё построенное — собственность не МЖК, а организаций-дольщиков.

«Подари искорку»

Писатель Владислав Крапивин

Весь Советский Союз знал, что в Свердловске живёт лучший на свете детский писатель Владислав Крапивин. Город — закрытый индустриальный мегаполис в глубине страны и континента, в общем, там, откуда, как говорится, хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь. А Крапивин пишет о распахнутых просторах вселенной, сочиняет прекрасные и пронзительные истории о грозных океанах и далёких островах, о легендарных парусниках и старых крепостях.

Крапивин родился в 1938 году в Тюмени в семье учителей. После школы он поступает на факультет журналистики Уральского университета, после журфака работает в журнале «Уральский следопыт». В 1962 году, когда Крапивину всего 23 года, в Свердловске выходит его первая книжка «Рейс “Ориона”». В 1964 году Крапивина принимают в Союз писателей — считай, жизнь уже удалась. В 1970 году награждают медалью «За доблестный труд», а труженику 32 года. В 1975-м — грандиозный успех: премия Ленинского комсомола. Благополучнейшая карьера молодого советского бонзы. Но Крапивин — не здесь, не в биографии.

Одни только названия его творений — словно стихи: «Та сторона, где ветер», «Всадники на станции Роса», «Колыбельная для брата», «Вечный жемчуг», «Трое с площади Карронад», «Журавлёнок и молнии», «Баркентина с именем звезды»... Повести Крапивина поэтичны, романтичны, человечны. Но главное не в этом. Детская литература — трудноуловимая

субстанция: не проза с персонажами-детьми и не истории о детских проблемах. Крапивин разгадал состав волшебного эликсира.

Структура детского произведения должна соответствовать детскому способу взаимодействия с миром. У детей особое восприятие мира, свои поведенческие практики. И Владислав Крапивин определил четыре самых важных детских стратегии. Первая: дети не видят большой разницы между игрой,

Писатель Владислав
Крапивин, 1987